

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката В. без даты (вх. № ... от 12.11.2021) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия 19 января 2022 года вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе адвоката В. без даты (вх. № ... от 12.11.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель адвокат В., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменное заявление (вх. № ... от 24.03.2022) с просьбой рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменное заявление (вх. № ... от 24.03.2022), в котором просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учётом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел настоящее дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Б. районного суда города Москвы с 18 июня 2021 года находится гражданское дело № ... (...) по иску У. к ответчику Ус. о

взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Одновременно с этим в производстве этого же суда с 27 августа 2021 года находилось гражданское дело № ... по иску Б. межрайонного прокурора города Москвы, У.А., У.К., У.И. и У.Х. к ответчику Ус. о выделении долей в жилом помещении, приобретенном с использованием материнского капитала. Интересы У. и её совершеннолетнего сына У.А. в указанных делах представлял заявитель, адвокат В., а интересы ответчика Ус. – адвокат М. 08 ноября 2021 года адвокат М. со своего мобильного телефона +7... посредством мессенджера WhatsApp направил У.А., являющемуся совершеннолетним сыном гражданки У. и гражданина Ус., сообщение следующего содержания: *«Добрый вечер! Согласны ли вы со мной поговорить в целях поиска цивилизованного выхода из конфликтной ситуации? Адвокат М.»*. В дополнение к этому сообщению, адвокатом М. было направлено дополнительное текстовое сообщение следующего содержания: *«К сожалению, позиция, занятая адвокатом вашей матушки, на мой взгляд, не является конструктивной, поэтому я вынужден в том числе обращаться и к вам»*. Совершеннолетний сын У. – У.А., на указанное сообщение адвоката М. ответил сообщением следующего содержания: *«Мой адвокат В., по всем вопросам пишите ему»*, на что от адвоката М. в адрес У.А. последовало сообщение следующего содержания: *«Он по всем вопросам бесполезен»*).

Адвокат В. обвиняет адвоката М. в том, что последний вступил в непосредственное общение с доверителем адвоката В. - гражданином У.А. и с несовершеннолетней дочерью доверительницы У. – У.Х., дал по его мнению, негативную оценку профессиональной деятельности адвоката В. по защите интересов доверителей У-х, вплоть до оскорбления, чем умышленно нарушил положения п. 2. ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат вправе беседовать с процессуальным противником своего доверителя, которого представляет другой адвокат, только с согласия или в присутствии последнего), п. 1 ст. 15 Кодекса (адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав) и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса (адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры).

Рассматривая указанные дисциплинарные обвинения, Совет приходит к выводу о том, что они не нашли своего подтверждения.

Каких-либо доказательств направления адвокатом М. текстовых сообщений несовершеннолетней дочери У. – У.Х., в материалы дисциплинарного производства не представлено. Более того, заявителем не представлено доказательств направления адвокатом М. вышеназванных текстовых сообщений даже в адрес совершеннолетнего У.А., так как представленные заявителем светокопии скриншотов страниц переписки в мессенджере WhatsApp не позволяют с достаточной достоверностью идентифицировать получателя данных текстовых. Вместе с тем, адвокатом М. не отрицался факт направления соответствующих текстовых

сообщений У.А., в связи с чем Квалификационная комиссия обоснованно дала оценку указанных действий адвоката М. на предмет их соответствия Кодексу профессиональной этики адвоката.

Как следует из объяснений адвоката М., указанные выше текстовые сообщения им были направлены на телефонный номер совершеннолетнего У.А. по причине категорического отказа адвоката В., выступающего в настоящем дисциплинарном производстве в качестве заявителя, начать какие-либо переговоры по мирному урегулированию вопроса, связанного с установлением порядка общения ответчика Ус. с несовершеннолетними детьми последнего.

Отказ заявителя В. от проведения каких-либо переговоров с адвокатом М., направленных на примирение сторон, а именно супругов У-х, не отрицается и самим заявителем В. а также дополнительно подтверждается представленными им в материалы дисциплинарного производства пояснениями У., в которых отмечается, что *«нежелание переговоров»* – позиция самой У., которой строго следовал заявитель В.

Пункт 2 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что адвокат вправе беседовать с процессуальным противником своего доверителя, которого представляет другой адвокат, только с согласия или в присутствии последнего.

В то же время п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает для адвоката возможность способствовать примирению сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу. Поэтому предложение начать переговоры по данному вопросу, сделанное адвокатом М. посредством текстовых сообщений на мобильный телефон совершеннолетнего члена семьи У-х – У.А., не только не свидетельствует о нарушении адвокатом М. требований п. 2 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, а, напротив, демонстрирует позитивную позицию адвоката, направленную на достижение примирения сторон. Такие действия, соответствующие положениям п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, в спорах, вытекающих из семейных правоотношений, являются особо значимыми и заслуживают поддержки.

Данный вывод находится во взаимосвязи с п. 2 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которой предупреждение судебных споров является составной частью оказываемой адвокатом юридической помощи, поэтому адвокат заботится об устранении всего, что препятствует мировому соглашению.

Совет также учитывает тот факт, что совершеннолетний сын У. и Ус. – У.А. не являлся процессуальным противником своего отца Ус., являющегося доверителем адвоката М. в судебном споре, связанном с установлением порядка общения ответчика Ус. со своими несовершеннолетними детьми.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что направление адвокатом М. текстового сообщения У.А. с предложением начать переговоры по мирному урегулированию семейного спора между

его родителями У. и Ус. не может рассматриваться как действия, нарушающие п. 2 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет пришел к выводу о необоснованности утверждений заявителя - адвоката В. о том, что данные текстовые сообщения адвоката М. в адрес У.А. преследовали целью «оказания негативного психологического давления» на доверителей заявителя В. и «умаления его [адвоката В. – примечание Совета] деловой репутации» через «негативную оценку моей профессиональной деятельности по защите интересов доверителей У-х, вплоть до оскорбления».

Отправление адвокатом М. в переписке с У.А. в ответ на сообщение последнего: «Мой адвокат В., по всем вопросам пишите ему», сообщения «Он по всем вопросам бесполезен)), во взаимосвязи со смыслом ранее отправленных адвокатом М. сообщений и подтвержденной материалами дисциплинарного производства позицией заявителя В., состоявшей в категорическом отказе от каких-либо переговоров с целью достижения примирения супругов У. и Ус., свидетельствует о том, что данное высказывание адвоката М. касалось именно отношения адвоката В. к достижению мирового соглашения по конкретному судебному спору и не являлось оценкой как личности адвоката В., так и его профессиональной деятельности.

Совет отмечает, что Квалификационная комиссия обоснованно указала заявителю адвокату В., что «очевидно неправильно», когда адвокат, как независимый профессиональный советник по правовым вопросам, принимая в ходе профессиональной деятельности «на себя всю боль своих доверителей и отождествляет себя с клиентом, становится субъектом конфликта» (из выступления Президента ФПА Российской Федерации Ю.С. Пилипенко на пленарной сессии «Примирение в праве: компромисс или уступка?» Ковалевских чтений-2020).

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката М. непровергнутой в отношении всех дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе адвоката В. без даты (вх. № ... от 12.11.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков